

Otto Luchterhandt

Правовой нигилизм в действии

Дело "ЮКОСа" -- Ходорковского

Дело, завершившееся осуждением Михаила Ходорковского и Платона Лебедева за тяжкие экономические преступления, войдет в историю российской юстиции как самый скандальный процесс XXI века. Генеральный прокурор и суды, ставшие орудием всемогущей президентской исполнительной вертикали, сфабриковали уголовный процесс, в ходе которого циничным образом были нарушены самые элементарные принципы правового государства. Поражение России в Европейском суде по правам человека в Страсбурге практически запрограммировано.

Во вторник, 31 мая 2005 г., после почти двенадцатимесячных заседаний, в Мещанском районном суде г. Москвы закончилось рассмотрение дел Михаила Ходорковского, Платона Лебедева и Андрея Крайнова.¹ Это был третий и самый громкий процесс против топ-менеджеров комплекса "Менатеп" — "ЮКОС".² Ходорковский и Лебедев получили суровый приговор: по девять лет лишения свободы за обман, мошенничество, неуплату налогов и неисполнение решения суда в тяжких формах, то есть с образованием организованной группы и в крупном размере. Исполнение наказания должно осуществляться в исправительной колонии общего режима. Крайнов получил пять с половиной лет условно, так как он частично признал свою вину и был готов в определенной мере сотрудничать со следствием. Прокурор требовал для Ходорковского и Лебедева по десять лет. Суд назначил срок на год меньше, так как покупка акций "Апатита" обманным путем не могла повлечь за собой наказание за истечением десятилетнего срока давности к 8 июля 2004 г. (ст. 78 абз. 1 УПК РФ).³ В остальном приговор воспроизводил требования обвинения. Дело "ЮКОСа", важнейшей частью которого являются дела Ходорковского и Лебедева, с самого начала выглядело как настоящий правовой скандал. Именно в этом качестве оно и войдет в историю России в XXI веке. Это можно предсказать без преувеличения.

Как в советское время, в ходе процесса были нарушены почти все основные принципы уголовного права: справедливое судебное разбирательство (fair trial), презумпция невиновности, принцип "in dubio pro reo" ("в случае сомнения дело решается в пользу обвиняемого"), право на действительную защиту, состязательность, равноправие обвинения и защиты, соразмерность применяемых мер. Все эти принципы систематически нарушались, более того — над ними цинично издевались. Приговор вполне вписывается в такой подход: он не учитывает элементарные принципы уголовного права, закона и справедливости.

Но вся провокационность событий становится понятна только если учитывать, что российская Конституция 1993 года демонстративно покончила с характерной для советской системы враждебностью к правовому государству и правам человека. 18 декабря 2001 г. Государственная Дума, после десяти лет борьбы между "державниками" и "правовиками", приняла, наконец, Уголовно-процессуальный кодекс, основанный на принципах свободы и отчасти даже образцовый.⁴ Не прошло и года с его вступления в силу 1 июля 2002 г., как Генеральная прокуратура, Федеральная служба безопасности, налоговая инспекция и суды, будто бы в издевку начав дело против комплекса "Менатеп" — "ЮКОСа" и его владельцев и ведущих менеджеров, похоронили широко распространенные среди населения надежды на укрепление правового государства и правовой культуры, причем сделали это в области права, имеющей большое символическое значение.

Дело "ЮКОСа" — Ходорковского с очевидностью показывает, что в России по-прежнему жива враждебная принципу правового государства советская традиция уголовного преследования. Она дает гротескные примеры правовой культуры, в которой демонстративные, педантичные требования соблюдения второстепенных предписаний и формальностей сочетаются с таким же демонстративным игнорированием и нарушением основ законности и справедливости. Председатель суда Ирина Колесникова сперва не начинала заседание, потому что в обвинительном заключении, врученном Михаилу Ходорковскому прокуратурой, отсутствовала одна страница, чтобы "не допустить грубого [sic!] нарушения прав подсудимых".⁵ Прокуратура предоставила другой экземпляр, в котором недоставало целых трех страниц, и заседание опять было перенесено, чтобы состояться уже с третьей попытки.

Последний этап процесса был одновременно и фарсом, и трагикомедией. Провозглашение приговора выглядело комично до гротеска. Не в последнюю очередь мы этому обязаны УПК. Он, в лучших традициях правового государства, требует соблюдения принципа гласности (ст. 241). Ст. 310 потому определяет, что вводная, мотивировочная и резолютивная части приговора должны быть полностью оглашены в зале судебного заседания.⁶

Поэтому три судьи уголовного суда двенадцать дней подряд зачитывали 662 страницы приговора.⁷ Маленький зал суда, где не было кондиционера, был переполнен до отказа, дышать было просто нечем. Судьи при чтении не старались говорить внятно. Они читали механически, тихим, невыразительным голосом, так, что даже сидящим вблизи адвокатам было сложно что-то понять. Нередко они заикались и запинаясь, так что возникало впечатление, что и они видят текст впервые. Это предположение, высказанное наблюдателями, вовсе не злобная выдумка, а вполне похоже на действительность, потому что значительные части приговора, включая грамматические и правовые ошибки, соответствовали обвинительному заключению.

Закон не позволяет ограничивать чтение сути обоснования приговора. Верховный суд России в своем постановлении "О практике назначения судами уголовного наказания" настаивает на полном оглашении и рассматривает невыполнение этого правила как основание для отмены приговора в ходе кассации (ст. 379 абз. 1 п. 2 УПК). Если точно следовать закону, могло быть еще хуже, потому что приговор в зале суда должен выслушиваться стоя в течение всего времени его провозглашения. На

практике судьи обычно поступают разумно, беря на себя смелость не следовать этому требованию в полном объеме и ограничиваясь его соблюдением только по отношению к резолютивной части.⁸

Наблюдатели были едины в одном: если бы суд связывал с этим процессом надежду, что, используя авторитет государства, может убедить российскую общественность в строгости и правомерности приговора Ходорковскому и Лебедеву, то эти надежды явно не оправдались. Люди, следившие за ходом дела, восприняли провозглашение приговора как недостойный юридический спектакль, как карикатуру на уголовный процесс. Судьи вызывали, в зависимости от темперамента, всю гамму чувств от сочувствия до презрения.

Этот процесс и приговор трагичны для России и Ходорковского. В его лице как преступник был осужден человек, отказавшийся от дикого предпринимательства и, в силу своих личных способностей, аналитического ума и предпринимательского воображения, своей инициативы и решительности, за несколько лет превратил "ЮКОС" из отсталого государственного предприятия в продуктивную и современную нефтяную компанию, в одно из самых значимых российских предприятий.⁹

Превращение Ходорковского в преступника трагично еще и потому, что он, помимо ориентации на прибыль и власть, имел и имеет общественно-политический проект и преследует патриотическую цель: экономическую и политическую модернизацию России, поддержку структур гражданского общества. Это человек, стремящийся лично принять участие в реализации этого проекта, и готовый ради этого "идти в политику".¹⁰

Дело "ЮКОСа" — фарс, произвол, замаскированный под судебное преследование. Не так уж много примеров, когда уголовный суд в условиях действующих Конституции и Уголовного кодекса, основанных на принципах правового государства, был бы настолько некомпетентным, неспособным и бесхарактерным, настолько бесхребетным и преданным беспрепятственно действующей президентской администрации и прислуживающей ей прокуратуре!

Оглашение приговора началось с фальстарта. Оно было назначено на 27 апреля, но полные ожиданий граждане и адвокаты, собравшиеся у здания суда, увидели лишь лаконичное объявление, что заседание перенесено на 16 мая. Никакого объяснения причины переноса при этом не давалось. Законом это не предусмотрено, да и не очень принято. Из-за напряжения, царившего перед процессом, это известие взорвалось как небольшая бомба. Сразу стали придумывать версии причины переноса. Адвокат Генрих Падва, координатор защитников по разным делам "ЮКОСа", разумно полагал, что написание такого большого приговора за 14 дней заведомо нереалистично. А пресса почти единодушно сделала вывод, что председательствующей судье Колесниковой дали знать "сверху", что вынесение приговора непосредственно перед празднованием 60-летия окончания войны в Москве, на котором будут присутствовать многие руководители государств и правительств, политически неуместно. И правда, не секрет, что в центрах принятия решений большинства западных правительств — правда, чаще всего шепотом, а не открыто — дело "ЮКОСа" оценивается как скандальный политический процесс. К тому же за несколько недель до этого Парламентская ассамблея Совета

Европы по предложению комитета по правам человека в лице его члена, бывшего министра юстиции Германии Сабины Лойтхойзер–Шнарренбергер, докладчика по делу "ЮКОСа", по многим пунктам формально признала несоответствие этого процесса принципам правового государства, несмотря на протест российских депутатов.¹¹

Походившему на перформанс оглашению полностью соответствует качество приговора. У наблюдателя, привыкшего к fair trial, такое применение уголовного и уголовно–процессуального права может вызвать только недоумение. Нарушений правовых принципов так много, и они так очевидны, что возникает вопрос: почему режиссеры этого спектакля так оптимистично полагают, что этот приговор не может быть отменен в последней инстанции, в Европейском суде по правам человека? Как показывает практика, до принятия решения могут пройти годы, но нет никакого сомнения, что "Москве" однажды будет предъявлен счет из Страсбурга.

Неправомерность приговора: основные замечания критиков

Чтобы вынести оценку приговору, необходимо разобраться в инкриминируемых преступлениях. В основе анализа в первую очередь лежат обвинительные заключения Генеральной прокуратуры в отношении Лебедева и Ходорковского, а также приговор в соответствии с протоколом заседаний между 16 и 31 мая 2005 года.¹²

Обвинительное заключение и приговор останавливаются, прежде всего, на следующих эпизодах:

- Дело "Апатита": во–первых, завладение обманным путем 20% акций АО "Апатит", промышленного гиганта по производству минеральных удобрений, в ходе приватизации в 1994 году (ст. 159 абз. 3 УК РФ);
- во–вторых, продажа удобрений по заниженным ценам, что привело к убыткам акционеров АО (ст. 160 абз. 3, ст. 165 УК РФ);
- в–третьих, воспрепятствование исполнению решения арбитражного суда по делу "Апатита" (ст. 315, ст. 35 абз. 3 УК РФ).
- обманное завладение "контрольным пакетом" (44%) акций АО "Исследовательский институт по удобрениям и инсектофунгицидам им. Самойлова" (Москва) в сочетании с нарушениями патентного права (ст. 147 абз. 3 УК РФ) и неисполнением решения суда (ст. 315, ст. 35 абз. 3 УК РФ).
- организованное обманным путем использование ЗАТО (закрытого административно–территориального образования) Лесной в Свердловской области в качестве оффшорной зоны, и, вследствие этого, уклонение от налогов (ст. 199 абз. 2 УК РФ).
- получение обманным путем статуса "индивидуального предпринимателя без образования юридического лица" и уклонение в связи с этим от налогов (ст. 199 абз. 2 УК РФ).
- Ходорковский также обвинялся в хищении денег "ЮКОСа" в связи с тем, что он передал "олигарху" Владимиру Гусинскому якобы в кредит, а на самом деле в целях личной выгоды, отказавшись от возврата денег, 91 миллион долларов США (ст. 160 абз. УК РФ).

Последующий анализ ограничивается тремя важнейшими составами преступлений: дело "Апатита", использование ЗАТО как оффшорной зоны и уклонение от налогов при помощи статуса индивидуального предпринимателя. Дело "Апатита" я рассмотрю подробно, так как именно оно послужило в 2003 г. решающим оправданием действиям Генпрокуратуры против собственников и ведущих менеджеров "Менатеп" — "ЮКОСа" и до сегодняшнего дня используется для легитимации этого дела в целом. Хотя суд не учитывал при вынесении приговора дело "Апатита" за истечением срока давности, но он утвердил позицию обвинения по делу, что и было зафиксировано в отдельном определении.¹³

Все перечисленные как преступления действия являются исключительно имущественными правонарушениями: мошенничество, уклонение от налогов и т.д. — составы преступления, находящиеся на стыке хозяйственного, финансового и уголовного права, одним словом — хозяйственные преступления. Эта область юриспруденции считается очень сложной, ибо такая специализация требует помимо владения уголовным правом знаний в области гражданского и хозяйственного права. Кроме этого, специалист по хозяйственному праву должен иметь солидный багаж знаний в области экономики, чтобы понимать экономические процессы и их взаимосвязь и быть в состоянии оптимально использовать все эти знания в уголовном преследовании. Совершенно ясно, что профессиональное и эффективное выполнение этой задачи заведомо предполагает принятие как должного рыночных отношений и строгое соблюдение принципов правового государства. Именно это с большим трудом дается прокуратуре и уголовной юстиции России, о чем и свидетельствует дело "ЮКОСа" — Ходорковского. Есть в рассмотрении дела и "культурная" основа, к чему мы еще вернемся в конце рассмотрения приговора.

Дело "Апатита" — обман в ходе приватизации?

Самый ранний эпизод, с которым связан комплекс обвинений — участие в приватизации АО "Апатит". Он относится к 1994 году, но соответствующий арбитражный процесс тянулся до 2004 года.¹⁴ "Апатит" был самым крупным производителем минеральных удобрений в СССР, а потом — уже как акционерное общество — в России. Предприятие, расположенное на Кольском полуострове, дало имя и городу. Как все советские промышленные гиганты, после распада СССР и его экономической системы, "Апатит" оказался в тяжелом кризисе в отношении продукции и сбыта. Хотя предприятие и было формально приватизировано путем превращения в АО, но акции в основном находились в государственной собственности, и распоряжался ими Фонд имущества Мурманской области. Фактически предприятие стояло под угрозой банкротства, когда в 1994 году Фонд имущества решил выставить пакет из 20% акций на конкурс. Высокому уровню задолженности предприятия способствовали сложности со сбытом, забастовки, задержки выплаты заработной платы, налоговая задолженность, в том числе — за энергопоставки. "Апатиту" реально грозило закрытие. Из-за невыплаты зарплат город Апатиты находился в глубоком кризисе.¹⁵

Бесспорно, "Апатиту" было необходимо существенное технологическое и производственное обновление, для чего требовались значительные

инвестиции. Соответствующие планы были разработаны еще в советское время, но инвестора не нашлось. О "рыночной стоимости" Апатита в то время нельзя говорить всерьез в связи с огромной задолженности предприятия, устаревших основных фондов и угроз существованию предприятия в целом. Поэтому пакет акций, выставленный на конкурс, был оценен всего лишь в 415 800 000 (неденоминированных) рублей, то есть примерно в 225 000 долларов США.

При этом Мурманский фонд имущества выдвинул условие: акции могли быть проданы только предприятию, готовому подписать инвестиционный договор. Для приватизационной политики, проводимой государством, такое условие было в то время типичным. Однако — и это было общеизвестно — оно не исключало возможности того, что инвестор после покупки акций откажется от своих обязательств или окажется незаинтересованным в осуществлении инвестиций.

Инвестиционный договор по "Апатиту" предусматривал следующие обязательства:

- выделение инвестором 59 миллиардов (неденоминированных) рублей на стабилизацию финансового положения предприятия;
- выделение 46,7 миллиардов рублей на развитие социальной базы предприятия;
- выделение 457 миллиардов рублей на техническое обновление "Апатита".

Всего 563 миллиарда рублей (280 миллионов долларов США) должны были быть выплачены в течение года. Кроме этого, договор предусматривал обязательство выплаты "Апатиту" в течение одного месяца после заключения договора 30% от всей суммы объема инвестиций.

Положения договора заставляют предположить, что для Мурманского фонда имущества главной задачей была организация финансирования, а заинтересованность в инвестициях была второстепенной. Последующее развитие событий это подтвердило. Положения договора, связанные с обязательствами по выплатам, явно противоречили пунктам, которые были связаны с определением, планированием, объемом и проведением инвестиционных мероприятий. Инвестор взял на себя обязательство согласовывать свою инвестиционную деятельность не только с АО "Апатит" (что само собой разумеется), но и с Мурманским фондом имущества. Так как договор определил цели инвестиций только в очень общей форме ("техническое перевооружение обработки сырья; повышение эффективности производства; снижение энергозатрат"), необходимо было большое количество согласований. В таких условиях нереально было выплатить всю сумму в 280 миллионов долларов США в течение года. Всем участникам должно было быть ясно, что предприятие в его тогдашнем устаревшем состоянии технически и организационно не могло в такой короткий срок освоить значительные суммы инвестиций. Это было бы невозможно даже в том случае, если бы договор не предусматривал взаимодействие с Фондом имущества и оставлял инвестору свободу действий.

Для Мурманского фонда имущества важно было организовать приток "свежих денег", вне зависимости от цели их использования. Это

подозрение укрепляется, если обратить внимание на обязательство инвестора выплатить в течение месяца после покупки акций "Апатита" и заключения инвестиционного договора, то есть к 1 сентября 1994 г., 30% от общей суммы объема инвестиций — 90 миллионов долларов США. Их использование не было привязано к определенной цели, поэтому существовала серьезная опасность, что деньги будут уведены через "теневые каналы". В лучшем случае они могли быть использованы для погашения долгов АО "Апатит" и стабилизации положения работников предприятия и жителей города.

Конкурс выиграло акционерное общество закрытого типа "Волна". Оно было основано как акционерное общество АО "Джой", которые в свою очередь было создано по инициативе фирмы, зарегистрированной в Нидерландах. Все эти фирмы так или иначе были связаны с банком "Менатеп". Это видно и по составу руководства: генеральный директор "Волны", Андрей Крайнов, третий обвиняемый в процессе Ходорковского — Лебедева, был сотрудником Международного финансового объединения "Менатеп" — акционерного общества закрытого типа и дочернего предприятия банка "Менатеп".

"Волна" купила пакет акций по указанной цене. С выплатой этих денег Фонду имущества "Волна" выполнила свои обязательства перед государством. Но вскоре разгорелся спор из-за выполнения инвестиционного договора в пользу "Апатита". Вскоре после покупки акций "Волна" предоставила Фонду имущества подробный план инвестиций и развития, но при этом не предпринимало никаких шагов, чтобы выплатить 30% суммы инвестиций. После оставшихся без ответной реакции предупреждений Фонда имущества прокурор Мурманской области обратился с иском против "Волны" в арбитражный суд, чтобы добиться отмены инвестиционного договора.

Странно было только то, что не был возбужден иск против банка "Менатеп". Именно президент банка "Менатеп" Платон Лебедев подписал гарантийное письмо по выполнению обязанностей, связанных с предоставленным АО "Волна" на конкурс инвестиционным договором.

Частично задействованный в этом деле Московский арбитражный суд в августе 1995 года отклонил иск после того, как "Волна" предоставила суду документы о выплате примерно 280 миллиардов рублей на счет АО "Апатит". После этого "Волна" продала свой пакет акций "Апатита" ряду фирм, принадлежащих к конгломерату "Менатеп", которым путем покупок на вторичном рынке удалось приобрести контрольный пакет акций "Апатита". На этой основе они приступили к обновлению предприятия, инвестируя в него значительные средства, и добились успехов. До 1998 года продукция АО "Апатит" достигла 8,2 миллионов тонн, то есть почти удвоилась. Сбыт был эффективно реорганизован через сеть фирм, частью разбросанных по стране, частью — зарубежных. Долги "Апатита" были выплачены. Весь этот процесс был организован банком "Менатеп".

Продажа акций "Апатита" была главной причиной того, что Московский арбитражный суд 12 февраля 1998 г. принял решение не удовлетворить поданную прокурором кассационную жалобу. Против фирмы, которая уже не обладала пакетом акций, вести процесс было невозможно.

После некоторых сложностей Мурманский фонд имущества и фирма "Волна" в конце концов 19 ноября 2002 г. пришли к мировому соглашению, что и было формально подтверждено Московским апелляционным арбитражным судом в соответствии с арбитражно-процессуальным правом. "Волна" заплатила инвестиционному фонду 478 914 197 рублей, то есть примерно 15,3 миллиона долларов США, и акции "Апатита" остались у их новых владельцев.¹⁶

Генеральная прокуратура усмотрела в этом преступную деятельность: во-первых, мошенничество в тяжелой форме, потому что оно было совершено "организованной группой" и "в крупном размере" (ст. 159 абз. 3 УК РФ) и, во-вторых, злостное и совершенное по предварительному сговору воспрепятствование исполнению решения суда по гражданскому делу посредством введения в заблуждение уполномоченных лиц (С. 315 УК РФ). Суд согласился с такой позицией. Генеральный прокурор и (в отношении неисполнения решения) суд аргументировали ее следующим образом: Лебедев как президент банка "Менатеп" и Ходорковский как председатель совета директоров создали группу совместно с сотрудниками банка¹⁷ и его дочерних предприятий и систематически использовали свою власть в "Менатепе", чтобы путем злоумышленного введения в заблуждение завладеть акциями "Апатита" и обогатиться в крупном размере за счет государства. Акционерные общества, участвовавшие в конкурсе, на котором были выставлены акции "Апатита", между прочим, основанные их владельцами и зарегистрированные уполномоченными органами в соответствии с действующими нормами корпоративного права, с этой точки зрения являются "фиктивными" и потому нелегальными фирмами. Документы, предоставленные ими, являются фальшивками, изготовленными, чтобы запутать правовую ситуацию. Заявления в государственные органы также сфальсифицированы с целью осуществить необходимые финансовые транзакции. Именно таким образом подсудимые фактически завладели акциями "Апатита".

Дело "Апатита" вызывает много вопросов, на которые ни обвинение, ни приговор не отвечают. Например, с одной стороны, утверждается, что Лебедев дешево купил акции "Апатита", но не был намерен выполнять инвестиционный договор, с другой стороны, правдиво утверждается, что он выступил гарантом выполнения этих обязательств фирмой "Волна". Далее: допустимо ли, чтобы генеральная прокуратура и суд оценивали пакет акций "Апатита" на момент его продажи (1994) не только по его номинальной стоимости, но прибавив к нему сумму обязательств еще только заключенного фирмой "Волна", но не реализованного инвестиционного договора? Или: является ли свидетельством серьезного подхода к уголовно-правовой оценке действий тот факт, что ни единым словом не упоминается катастрофическое финансовое и хозяйственное положение АО "Апатита" и региона? Напротив, создается впечатление, что речь идет о привлекательном для предпринимателей объекте! И убедителен ли довод прокуратуры и суда о том, что кассационный арбитражный суд был "злонамеренно" введен в заблуждение по вопросу о более высокой стоимости акций, учитывая, что он утвердил мировое соглашение между фирмой "Волна" и Мурманским фондом имущества? Разве Фонд имущества, который был заинтересован в максимально высокой оценке акций, не участвовал в процессе в качестве одной из сторон? Разве он не должен был в ходе переговоров предложить собственную оценку, если он не был согласен с представленной

экспертизой? Разве арбитражный суд в таком случае не имел возможности — более того, разве он не был обязан — добиться такой переоценки? Разве арбитражный суд и Фонд имущества были вынуждены согласиться с представленной фирмой "Волна" и произведенной третьей, независимой стороной оценкой? И еще: разве суть мирового соглашения не состоит в том, что стороны идут на уступки, отказываются от каких-то требований, идут друг другу навстречу?¹⁸ Наконец, разумно ли предъявлять Лебедеву и Ходорковскому обвинение в воспрепятствовании исполнению приговора на том основании, что фирма "Волна" продала акции "Апатита"? Продажа акций произошла на полностью законных основаниях, поскольку право собственности "Волны" никоим образом не было ограничено. "Волна" к тому времени выиграла процесс в первой инстанции, апелляционный арбитражный суд решения еще не принял. Исход дела еще оставался совершенно открытым. Если сделка по продаже акций была законной, она не может стать незаконной только потому, что ее инициаторами, возможно, были Лебедев и Ходорковский, не говоря о том, что и это является лишь подозрением прокуратуры и суда, потому что нет никаких доказательств того, что инициатива исходила от них.

С другой стороны, Лебедев и Ходорковский никоим образом не были обязаны препятствовать продаже акций, даже если бы они, как ведущие менеджеры "Менатеп", имели бы такую власть.

На эти критические вопросы, перечень которых можно продолжить, не дает ответа ни обвинительное заключение, ни приговор. Прокуратура и суд с самого начала были твердо убеждены — или делали вид, что убеждены — в виновности Ходорковского, Лебедева и других менеджеров "Менатеп". Их убеждение, однако, основано не на доказательствах, а на предположениях, подозрениях и утверждениях.

"Закрытые города" — нелегальные налоговые "оазисы"?

Слабость аргументации и беспомощность прокуратуры и суда в обращении с предпринимателями, четко видящими возможности использования для собственной выгоды правовых норм, на которые никто не обращает внимания, особенно ясно видны на примере "оптимизации налогов" при помощи оффшоров. Речь идет о закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАО), существовавших в советское время в режиме строжайшей секретности. Это были острова архипелага НКВД, потом — КГБ. Они были в прямом смысле слова белыми пятнами, не обозначенными ни на одной карте. В стране их называли "секретными зонами", а возникли они под руководством Лаврентия Берия после Второй мировой войны в рамках секретной программы разработки атомного оружия. В них располагались исследовательские комплексы, работавшие над проектами с высокой степенью секретности, связанные с исследованиями производства, опытные полигоны и т.д.¹⁹ В стране их было несколько десятков, преимущественно на Урале и в Сибири.²⁰ В каждом проживало примерно по 80 000 жителей. Их оторванность от внешнего мира была полной. Доступ был ограничен узким кругом лиц с высоким уровнем секретного допуска и связан со сложной процедурой; управление и снабжение производились согласно особому регламенту. Названия закрытых городов состояли из номера и наименования области, в которой они находились ("Томск-7"). Но они не были обозначены ни на одной карте, и даже их упоминание в печати почти полностью предотвращалось

цензурой.

В советское время закрытые города были привилегированными и хорошо финансировались, но после распада СССР и краха плановой экономики оказались в тяжелом кризисе из-за нехватки финансирования. Их положение еще больше ухудшало отсутствие взаимодействия с соседними районами, движения рабочей силы и капиталов. Под давлением обстоятельств в 1992 году было решено реформировать весь комплекс. Секретность режима была ослаблена²¹, существование секретных городов было поставлено на правовую основу.²² Но их экономическое положение оставалось сложным. Хотя Федерация и брала на себя обязательства по финансовому уравниванию их бюджетов посредством "субсидий, субвенций и дотаций" (ст. 5 абз. 1 Закона о ЗАТО), но финансирование было слабым.²³

Несмотря на то, что органы местного самоуправления с декабря 1991 года имели право предоставлять налоговые льготы предприятиям, расположенным на их территории, закрытые города это почти не использовали. Улучшения положения не предвиделось, а проблему нужно было решать. Поэтому Федеральное собрание в марте 1998 года уполномочило органы управления закрытых городов предоставлять дополнительные льготы "по налогам и сборам юридическим лицам, зарегистрированным в качестве налогоплательщиков в налоговых органах закрытых административно-территориальных образований".²⁴ Процедура устанавливалась постановлением правительства.²⁵ Администрации ЗАТО могли получить налоговые льготы только с разрешения федерального Министерства финансов.²⁶ Для его получения органы управления ЗАТО должны были представить не только документы предприятия, заинтересованного в льготах, и собственное "заключение о целесообразности предоставления дополнительных налоговых льгот", но и ряд других документов: справку из налоговой инспекции ЗАТО, регистрацию формально заинтересованного предприятия в ЗАТО, расчеты администрации закрытого города, какое увеличение прибыли принесут предоставленные льготы, наконец, "обязательство юридического лица о направлении 50 процентов средств, оставляемых в его распоряжении в виде налоговых льгот, на инвестиции и создание рабочих мест на территории ЗАТО" (пункт 3).

Итак, получение льгот вовсе не было легким, наоборот, оно было связано с серьезными условиями. Федеральные финансовые и налоговые органы обладали не только правом проводить обширные проверки, но и полным правом участия в принятии решения по заявлениям заинтересованных предпринимателей.

Чтобы усложнить получение льгот в ЗАТО, уже в 1999 году ст. 5 закона о ЗАТО была снова изменена. Льготы теперь могли получить только те фирмы, 90% основных средств и 70% активов которых размещены в ЗАТО и 70% персонала которых постоянно живет в ЗАТО.²⁷

Эти предписания касались всех инвесторов в ЗАТО, в том числе и "ЮКОСа". В 1997 году "ЮКОС" открыл ряд дочерних фирм в форме обществ с ограниченной ответственностью для продажи нефти и нефтепродуктов: ООО "Бизнес-Ойл", "Митра", "Вальд-Ойл", "Форест-Ойл", ТК "Алханай", "Перспектива-Оптимум", "Инвестпроект". Некоторые из них были зарегистрированы в г. Лесной Свердловской области.²⁸ Дочки "ЮКОСа" были зарегистрированы администрацией

Лесного как фирмы, имеющие право на льготы по налогам и отчислениям. Позднее они выполнили и ужесточившиеся в 1999 году требования. Это подтверждает и решение от 7 марта 2000 г. по результатам контрольной проверки, проведенной в ООО "Бизнес–Ойл" 16 декабря 1999 г., то есть уже после ужесточения требований в апреле 1999 г.²⁹

В обвинительном заключении эти факты представлены следующим образом:³⁰

В результате действий, совершенных под руководством Лебедева и Ходорковского членами организованной группы, администрацией г. Лесной в нарушение ст. 5 Закона РФ "О закрытом административно–территориальном образовании" от 14.07.1992 г. №. 3297–1 ООО "БИЗНЕС–ОЙЛ", которое на территории закрытого административно–территориального образования г. Лесной деятельность фактически не осуществляло, было неправомерно зарегистрировано в 1999 году в ЗАТО г. Лесной в качестве налогоплательщика, имеющего право на льготное налогообложение. После чего, под руководством Лебедева и Ходорковского участники организованной группы через Спиричева А. В. от имени ООО "БИЗНЕС–ОЙЛ" предоставили в ИМНС России по г. Лесной, находящийся в указанном городе по ул. Чапаева, 2, налоговые декларации за 1999 год с включенными в них заведомо ложными сведениями о наличии налоговых льгот по следующим видам налогов: налогу на добавленную стоимость, налогу на содержание жилищного фонда, налогу на пользователей автодорог, налогу на реализацию ГСМ, налогу на прибыль. В результате указанных действий бюджетам различных уровней не было уплачено налогов на сумму 1 217 622 799 руб., что также является уклонением от налогов.

Обоснованность претензий, связанных с уклонением от налогов, зависит от ответа на вопрос, предоставлялись ли льготы по налогам и сборам регулярно, и если их предоставление было противоправным, было ли это результатом введения в заблуждение чиновников этими фирмами.

Напрасно искать этот ответ в текстах обвинения и приговора. Там есть лишь утверждение о противоправности предоставления налоговых льгот дочерним компаниям "ЮКОСа". Отсутствует даже намек на обоснование. К тому же вообще не упоминаются ни бюджетное законодательство, ни многократное изменение ст. 5 Закона о ЗАТО. Постановление правительства 1998 года, равно как и сложная процедура предоставления налоговых льгот, тоже не упомянуты. Вне поля зрения остается и то, что в этой процедуре участвовали федеральные финансовые органы и, в первую очередь, Министерство финансов. Таким образом, утверждение о том, что предоставление налоговых льгот было противоправным, не имеет под собой финансовых и хозяйственно–правовых оснований. Сознательно или бессознательно прокуратура и суд создают впечатление, что финансовые органы некомпетентны и ими можно манипулировать.

Утверждение о преступности действий менеджеров "Менатеп" — "ЮКОСа" также остается бездоказательным. Невозможно найти даже простого изложения того, какие же действия стали основанием для претензии о введении в заблуждение и обмане. Обвинение и приговор ограничиваются изложением образования дочерних компаний. Как и в случае с "Апатитом", они квалифицируются как поддельные фирмы. Это утверждение, видимо, рассматривается как достаточное основание для заявления о том, что деятельность дочек "ЮКОСа" была по определению нелегальной. Нет даже намека на то, что законодательство о ЗАТО действительно позволяло создавать особые оффшорные зоны в ЗАТО, что их использование как раз в целях экономии налогов соответствовало намерениям авторов закона, потому что это создавало стимул для инвестиций в закрытые города, что такая стратегия — "налоговая оптимизация" посредством дочерних фирм — могла быть легальной. Эти обстоятельства оказываются вне поля внимания и за счет того, что правовая ситуация вокруг инвестиций в ЗАТО не излагается даже во фрагментарном виде.

Обвиняемые приговорены за уклонение от налогов в соответствии со ст. 198 Налогового кодекса за то, что они якобы не выполнили положенных налоговых обязательств в ЗАТО через денежные выплаты, а использовали "натуральный обмен". Ст. 45 абз. 2 Налогового кодекса не допускает выполнения налоговых обязательств в этой форме.³¹

Действительно, до истечения 1999 налогового года дочерние компании "ЮКОСа" оплачивали налоги векселями, но это не было противоправно. До вступления в силу первой части Налогового кодекса (1 января 1999 г.) налоговые обязательства могли выполняться посредством денежных суррогатов.³² Векселя признавались как платежное средство, более того, для администрации Лесного они были даже предпочтительней, потому что приносили городу дополнительную выгоду, позволяя получать еще и проценты по долговым обязательствам.³³ Ни один из векселей не оказался подложным, все они были реализованы. Бюджет Лесного получил в 1999 году через обвиняемые фирмы более 5 миллиардов рублей. Таким образом, не может быть и речи о введении в заблуждение государственных чиновников и причинении вреда государственному бюджету.

Уклонение от налогов через обманное присвоение статуса?

Последняя часть обвинительного заключения и приговора, которую мы рассмотрим, — претензии к Лебедеву и Ходорковскому, что они присвоили "статус индивидуального предпринимателя без образования юридического лица" и злоупотребили им, чтобы противоправно уклониться от обязательств по выплате подоходного налога и пенсионных отчислений (ст. 198 абз. 2 Налогового кодекса РФ). Что за этим стоит?

Российская Конституция в большей мере, чем, например, Основной закон Германии, признает экономическую свободу и свободу предпринимательства (см. ст. 8, 34—37 Конституции 1993 г.). Это же подчеркивает и Гражданский кодекс (ГК) 1994 года, призванный стимулировать и укрепить предпринимательскую активность, частную инициативу в экономике. Ст. 25 ГК дает отдельным лицам право действовать в качестве индивидуального предпринимателя, то есть без создания вместе с другими лицами общества или образования

единоличного акционерного общества. Стимулы и привлекательность для граждан состоят в том, что эта деятельность не связана с уплатой подоходного налога и пенсионного взноса, предусматривая упрощенную налоговую процедуру.³⁴

Формально признанный индивидуальный предприниматель получает у соответствующей инспекции Министерства налогов и сборов "патент" сроком на один год и уплачивает за него единовременный взнос, который определяется чиновниками ежегодно. В зависимости от содержания предпринимательской деятельности меняется его величина. Обязательства по бухгалтерской отчетности при этом сильно упрощаются.

В 1997 году полдюжины ведущих менеджеров "Менатеп", в том числе Ходорковский, Лебедев, Леонид Невзлин, Михаил Брудно и Василий Шахновский, подали заявления о получении статуса индивидуального предпринимателя. В качестве содержания предпринимательской деятельности были заявлены "информационные и консультационные услуги" в финансовой и экономической области в России.

Процедура регистрации в этих случаях исключительно либеральна, соответствует принципам правового государства, и опирается не, как обычно, на распоряжение правительства, а на указ президента.³⁵

Регистрация осуществляется на основании заявки по заданной форме и справки об уплате регистрационного взноса. Если гражданин приходит сам, можно сделать это на месте, если заявка послана по почте — в течение трех дней. Признание статуса не ограничено никакими сроками. Указ (п. 8) недвусмысленно запрещает типичное для постсоветских чиновников вымогательство взяток путем требования дополнительных справок или действий. Указ не содержит перечисления видов и содержания предпринимательской деятельности. Органы управления могут отказать в регистрации только в том случае, если документы по формальным критериям не соответствуют предписаниям указа. Гражданин может оспорить отказ признания в этом качестве в суде. Если органы управления в течение одного месяца после регистрации устанавливают, что указанные данные неверны, они делают предпринимателю официальное предупреждение о том, что он должен подать соответствующие документы в течение недели. Кроме того, указ позволяет "любому заинтересованному лицу", например, из налоговой инспекции, в судебном порядке отменить признание. Таков правовой контекст.

В 1996 году Ходорковский и Лебедев заключили с фирмой "Status Services Ltd", зарегистрированной на острове Мэн (Великобритания), договоры о консалтинговых услугах по вопросам финансового и экономического развития России и соответствующего законодательства. 30 сентября 1998 г. Лебедев получил гонорар за консультации в размере 4 819 350 рублей (300 000 долларов США), 13 июля 1999 г. — 2 440 000 рублей (100 000 долларов США), 16 декабря 1999 г. — 5 360 000 рублей (200 000 долларов США), 27 июня 2000 г. — 7 735 750 рублей (375 000 долларов США).

Авторы обвинительного заключения и приговора оценили эти действия как уклонение от налогов в крупном размере.³⁶ Ходорковский и Лебедев обвиняются в том, что заключили фиктивные договора со "Status Services

Ltd", а на самом деле никого не консультировали, что консультирование с самого начала не было предусмотрено. Заявленные как гонорары суммы на самом деле — доход от их официальной деятельности в "ЮКОСе". Регистрация в качестве индивидуальных предпринимателей служила только одной цели: уклониться от требования регулярной уплаты налогов и пенсионных взносов за доходы от привычной деятельности. Лебедев якобы лишил государство в 1998—2000 годах дохода в размере 7 269 276 рублей.

Действительно, на первый взгляд толкование фактов обвинением и судом имеет под собой основания. Однако прокуратура не смогла предъявить доказательства, что обвиняемые действительно заключили фиктивные договора и не осуществляли консалтинговой деятельности. М.В. Роднина, инспектор Московской налоговой инспекции, отвечавшая за Платона Лебедева, заявила, что у органов фискального надзора не было никакой возможности проверить, соответствует ли действительности утверждение заявителей, в том числе Лебедева. Для заграничных командировок у них нет статьи в бюджете, лаконично заметила Роднина. Таким образом, утверждения обвинения и суда основаны исключительно на косвенных уликах: факте, что ряд менеджеров "ЮКОСа" и "Менатеп" одновременно заключили такие договора о консалтинговой деятельности, что они это делали по соглашению со "Status Services Ltd", что в течение короткого времени они получили большие гонорары, и что (якобы) у "ЮКОСа" и "Менатеп" были тесные связи с различными фирмами, зарегистрированными на острове Мэн, в том числе "Status Services Ltd". Последнее прокуратура убедительно доказать не смогла.

Конечно, Лебедев, Ходорковский и другие "индивидуальные предприниматели" не были обязаны доказывать, что они оказывали консалтинговые услуги. Это была задача стороны обвинения, генпрокуратуры. Ст. 49 абз. 2 Конституции однозначно устанавливает классический принцип уголовного права: обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Ст. 14 абз. 2 УПК уточняет: "бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения".³⁷ В рассматриваемом случае суд, очевидно, может опираться только на факты, заставляющие сомневаться в серьезности договоров о консультировании. Но существующие подозрения не исключают разумных сомнений. Во всяком случае, версия прокуратуры также вызывает сомнения.

Здесь мы попадаем в сферу действия классического уголовно-процессуального принципа "in dubio pro reo": в случае сомнения — в пользу обвиняемого. Этот принцип в России также имеет статус конституционного. Ст. 49 абз. 3 провозглашает, что неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого. В соответствии со стандартным комментарием к Конституции³⁸, сомнения являются неустранимыми в том случае, если доказательства, собранные в процессе, не дают возможности сделать вывод о виновности или невиновности, и исчерпаны все средства для поиска доказательств. В дополнение ст. 14 абз. 4 УПК устанавливает, что "обвинительный приговор не может быть основан на предположениях" (!). Официальный комментарий объясняет это следующим образом: "*лишь полноценная доказанность*" (выделено в оригинале) информации о вине того или иного лица в отношении преступления может поколебать предположение о невиновности человека.³⁹ Важно и указание комментария на внутреннюю связь между

принципом "in dubio pro reo" и имеющей конституционный статус презумпцией невиновности (ст. 49 абз. 1).

Высокие принципы, золотые слова! Но суд их проигнорировал. Согласившись с прокуратурой, он усмотрел в утверждениях, смутных косвенных уликах, предвзятых, односторонне направленных против обвиняемых оценках "доказательства". Конечно, суд может сослаться на принцип свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ). Однако его использование все же предполагает убедительный набор доказательств. Но их нет, и это очевидно. И здесь Мещанский районный суд грубо нарушил все требования, выдвигаемые Конституцией и уголовно-процессуальным кодексом, которые он должен был соблюдать.⁴⁰

Группа менеджеров "ЮКОСа" -- "Менатеп" -- группа, организованная в преступных целях?

Обвинение смогло потребовать такое необычно строгое для хозяйственного преступления наказание, а суд — вынести такой суровый приговор, потому что оба органа юстиции были едины в том, что преступления были совершены в форме, требующей более жесткого наказания, а именно — "организованной группой".⁴¹ Такая характеристика в сочетании с доказательством нанесения государству большого финансового ущерба увеличивает наказание на три или более лет. Конструкция "организованной группы" — главный способ, решающая юридическая "уловка" прокуратуры, позволяющая заклеить Ходорковского, Лебедева и других попавших в ее поле зрения владельцев и ведущих менеджеров "ЮКОСа" и "Менатеп" как злостных преступников.

Конечно, это в целом соответствует представлению, которое существует у большинства населения о супербогатых новых капиталистах, о российских "олигархах", и понятно, что органы уголовного преследования использовали эту установку населения в собственных целях⁴². Если невозможно опираться на законность, Конституцию, уголовно-процессуальное, финансовое и хозяйственное право, то хотя бы на видимость легитимности, на "здоровое народное восприятие" социальной справедливости!

В соответствии со ст. 35 УК РФ "организованная группа" — форма совместного совершения преступлений. Это нечто среднее между группой, "действующей по предварительному сговору" (ст. 35 абз. 2) и "преступной организацией" (абз. 4). Исходя из этого, Верховный суд России определяет ее как устойчивую группу, состоящую из двух или более лиц, которые связаны намерением совершить одно или более преступлений.⁴³ Такая группа характеризуется, как правило, высоким уровнем организации, планомерностью и тщательной подготовкой преступления при распределении ролей между участниками.

Авторы обвинительного заключения и приговора считают эти критерии в случае менеджеров "ЮКОСа" и "Менатеп" выполненными. "Организованную группу" якобы создал Ходорковский как председатель наблюдательного совета банка "Менатеп", в 1994 году к ней присоединился Лебедев, президент этого банка. Кроме того, к группе принадлежали Наталья Чернышева, начальник отдела приватизации банка, Андрей Крайнов, сотрудник дочерней компании "Менатеп" ЗАО

"МФО "Менатеп"", Михаил Брудно, заместитель председателя наблюдательного совета "ЮКОС-ПМ", Андрей Гурьев и Александр Горбачев, руководители горно-химического отдела ЗАО "Роспром", а также, как написано в документах, "неустановленные следствием лица". По убеждению обвинения и суда Ходорковский якобы был руководителем группы, Лебедев в "Менатепе" осуществлял ежедневное руководство членами группы, Крайнов был основателем фиктивных фирм, а Чернышева отвечала за фальсификацию свидетельств. В качестве доказательства прокуратуре и суду было вполне достаточно близких личных отношений Ходорковского, Невзлина, Лебедева и других ведущих менеджеров "Менатеп" и "ЮКОСа" со времени комсомольской юности и перестройки.⁴⁴ Именно здесь мы находим объяснение, почему прокуратура и суд приложили так мало усилий, чтобы изложить конкретные факты доказательства участия Лебедева и Ходорковского в совершении указанных преступлений. Вместо этого от предъявления убедительных доказательств отказались. Типичен следующий пассаж из обвинительного заключения:

Для совершения преступлений под руководством Лебедева и Ходорковского [...] подчиненными им работниками банка "Менатеп" и МФО "Менатеп" были учреждены различные юридические лица с целью совершения мошенничества и сокрытия преступления.⁴⁵

Возможно, прокуратура и суд верили, что конкретное изложение доказательств уже не требуется постольку, поскольку члены "организованной группы" несут ответственность за все действия, совершенные группой (ст. 35 абз. 5 УК РФ). При такой интерпретации нет необходимости в изложении действий каждого из лиц, и можно отказаться от подробностей.

Но именно в этом случае такая позиция не выглядит убедительно. То обстоятельство, что ведущие менеджеры "ЮКОСа" и "Менатеп" действовали "организованно" и взаимодействовали различным образом, еще не доказывает, что они были "организованной группой" в смысле уголовного права. Они все без исключения были менеджерами "ЮКОСа" и "Менатеп" и других, связанных с ними компаний, и взаимодействовали при выполнении своих профессиональных задач, разумеется, "организованно". Их действия, как правило, были связаны не с тем, что они были членами некоей "группы", но с предприятиями и фирмами, от имени которых они действовали, делали заявления, заказы, готовили документы, через чьи счета шли платежи и осуществлялась другая деятельность. "Организованные", "устойчивые", "планомерные" отношения между Ходорковским, Лебедевым и другими названными членами группы вытекают из их предпринимательских функций, служебных задач в их фирмах. Почему они считаются самостоятельной "организованной" группой, связанной специфическими интересами и лояльностью вне "ЮКОСа", "Менатеп" и других фирм? Прокуратура и суд не ставили этот вопрос и не занимались этой проблемой. Хотя это и было обязательно, потому что выполнение обычных менеджерских функций и служебных обязанностей в рамках целой сети фирм не может представлять и не представляет собой на первый взгляд преступной деятельности. Возникает предположение: прокуратура и суд выбрали эту конструкцию не только для обоснования более высокой меры наказания, но и потому, что она, как им казалось, давала им удобный выход из ситуации нехватки доказательств.

Но существует и ряд других глубоких причин, по которым прокуратура и суд склоняются к тому, чтобы рассматривать экономические и правовые процессы с точки зрения уголовного права: их непонимание капиталистов–предпринимателей, наделенных фантазией и действующих на сложном поле, где или нет правил, или они еще не апробированы, минимизируя налоги и максимизируя прибыль. Так, использование инструментов гражданского, общественного, хозяйственного и процессуального права, обычное для рыночной экономики, воспринимается с точки зрения укорененных антикапиталистических стереотипов с неодобрением и непониманием.

К этому нужно добавить еще и механизмы социализации целого поколения юристов. Как и в Советском Союзе, в образовании юристов по–прежнему доминирует уголовное право, а гражданскому и хозяйственному праву уделяется относительно мало внимания. Это имеет тяжелые последствия для политико–правовой ориентации в процессе политической, социальной и экономической трансформации. Так что неудивительно, что обычные гражданские и экономические процессы оцениваются с точки зрения уголовного права и представляются верхом злонамеренных криминальных махинаций. Полностью легальные, основанные с учетом всех принципов законодательства о коммерческих предприятиях и получившие государственную регистрацию дочерние фирмы представляются "фиктивными", подготовленные ими документы — "фальшивками", предназначенными для обмана в правовых сделках; экономически мотивированные заявления в государственные органы о предоставлении предусмотренных законом услуг, льгот или привилегий — как обманные действия, вводящие эти органы в заблуждение.

Анализ претензий обвинения к Ходорковскому и Лебеву выявляет, что они постоянно следуют следующему образцу: из–за предвзятого отношения к обвиняемым их хозяйственная деятельность, решения и действия безосновательно объявляются противоправными без необходимой проверки с точки зрения гражданского, хозяйственного и финансового права, а подсудимым приписываются преступные намерения. Исходя из этого, односторонне отбираются и используются факты во вред подсудимым. Аргументы защитников для обоснования ложности обвинения игнорируются так же, как и доказательства невинности подсудимых. Мещанский районный суд оставил без внимания даже те доказательства (документы, свидетельские показания и т.д.), которые были собраны по инициативе прокуратуры, но могли быть использованы для доказательства невинности подсудимых или действительно доказывали отсутствие вины.

Одностороннее ведение процесса *de facto* заставило защитников играть недостойную роль статистов. Суд, во время основного разбирательства следуя заявлениям прокуратуры, грубо и систематически нарушал почти все основные процессуальные права обвиняемых и принципы уголовного процесса, которые могли быть использованы в их пользу: право на действенную защиту (ст. 48 Конституции, ст. 16 УПК); состязательность и равноправие сторон обвинения и защиты (ст. 123 абз. 3 Конституции, ст. 15 УПК); презумпцию невинности и связанный с ней принцип "в случае сомнения в пользу обвиняемого" (ст. 49 Конституции, ст. 14 УПК); запрет на преследование невинных (ст. 6 абз. 2 УПК); подчинение суда Конституции и закону (ст. 7 УПК) и его обязательство справедливого и беспристрастного ведения процесса (ст. 15 УПК).

Генеральная прокуратура в расследовании: произвол в действии

Объем и интенсивность допущенных в приговоре правонарушений граничит с провокацией, но это не особенно удивляет после действий Генеральной прокуратуры и известного "басманного правосудия" Москвы в отношении обвиняемых во время предварительного следствия.

Тактические действия со стратегической целью

Действия уголовного следствия в отношении менеджеров "ЮКОСа"—"Менатеп" с самого начала следовали определенному принципу: максимально использовать все возможные средства. Против Лебедева, Ходорковского и других яростно применялись все полномочия органов уголовного следствия. Этой оценке не противоречит то, что когда действия против "ЮКОСа" только начинались, летом 2003 года, органы уголовного следствия действовали скорее осторожно, временами не решаясь, вызвать ли интересующих их лиц повесткой и допросить в качестве свидетелей, сразу задержать их и арестовать как обвиняемых, или же дать им возможность исчезнуть из поля зрения следственных органов за границей, как это сделал "олигарх" Борис Березовский.

Возможная альтернатива — "фронтальная атака" против "ЮКОСа", его владельцев и топ-менеджеров, видимо, представлялась президентской администрации менее рациональной с точки зрения более важных политических целей. Продвигающаяся интеграция России в мировую экономику, ее положение в международной политике, а также выдвижение "ЮКОСа" на позиции предприятия мирового значения и, конечно, высокий уровень известности Ходорковского в деловых кругах США и Европы, заставляли быть осторожными. Было принято решение о пошаговом продвижении. "Растянутое следствие" имело большое психологическое преимущество: российская и западная общественность постепенно привыкала к делу "ЮКОСа" и его менеджеров, можно было внимательно пронаблюдать уровень жесткости и масштаб реакции предпринимателей и политиков, возможно, отступить, снизить значимость отдельных, разведенных во времени процессов, все время пробуждая надежду во влиятельных политических кругах, что возможно взаимодовлетворяющее "политическое" решение этого дела. Иначе говоря, чтобы в широком смысле слова добиться политических целей при наступлении на "ЮКОС", не рискуя нанести несоразмерный урон престижа России в мире.

В отличие от ельцинской эпохи, при Путине конфликты, борьба группировок и процесс принятия решений в российском руководстве значительно меньше известны общественности. Но в случае "ЮКОСа" ясно видно, что друг другу противостоят две "школы". С одной стороны — это последовательные сторонники либерального курса включения России в мировую экономику. Они представляют экономические и финансовые министерства "правительства", но они, хотя и в меньшем количестве, есть и в администрации президента. Другая сторона — представители державного, геостратегического и фиксированного на проблемах безопасности мышления из спецслужб, армии, МВД и Генеральной прокуратуры, так называемые "силовики".⁴⁶

То, что администрация президента на примере Ходорковского хотела создать прецедент и предупредить всех еще находящихся на свободе

"олигархов" в стране, прямо сказал заместитель Генерального прокурора Владимир Колесников на пресс-конференции 12 ноября 2003 г.:

Говорят, Ходорковский не убивал. Да, он не убивал. С дубиной не выходил на большую дорогу. Все это так на самом деле. Однако в данном случае должна быть иная логика в оценке ситуации; прежде всего стоит посмотреть, как живет большинство населения России в условиях, когда незначительная часть имеет сверхдоходы. Минимальная заработная плата — 600 рублей. Минимальная пенсия — 1600. А теперь давайте этот миллиард [имеется в виду миллиард долларов, хищение которого вменяется Ходорковскому. — О.Л.] переложим на наши рубли. В результате того, что россияне недополучили этот миллиард, только за один месяц не смогли полностью получить свои зарплаты 49 миллионов 166 тысяч 666 человек, а пенсии — 18 миллионов 437 тысяч 500 человек.

Далее Колесников угрожает: "Те, кто еще не сидит, должны задуматься, чем же они занимаются в итоге."⁴⁷ Хотя следствие к этому времени было еще далеко от завершения, Колесников "прогнозировал", что Ходорковскому нужно ожидать приговора на десять лет. Это полностью соответствовало более позднему требованию прокурора в обвинительном заключении против Ходорковского и Лебедева. Значит, сценарий уже тогда был написан. То, что он уже разработан, общественности ясно дал знать советник президента Игорь Шувалов на последнем этапе процесса, в апреле 2005 г.:

Государство осознало, что надо обращаться по-хозяйски с тем, что ему принадлежит, если бы это был не "ЮКОС", это была бы другая компания, которая должна была бы ответить за налоговые преступления.⁴⁸

Необходимы, по Шувалову, жесткие меры, как бы это ни влияло на имидж страны.⁴⁹

Арест Платона Лебедева

Наступление на "ЮКОС" — "Менатеп" началось с того, что 19 июня 2003 года Алексей Пичугин был вызван в качестве свидетеля по делу об убийстве Горина, потом задержан и арестован на основании судебного решения от 21 июня 2003 г.⁵⁰ Это решение вынес Басманный районный суд г. Москвы, чье название уже стало в России синонимом юстиции, подчиненной политическим целям исполнительной власти ("басманное правосудие").⁵¹ Этому предшествовали попытки ФСБ получить согласие Пичугина на "сотрудничество" в ходе процесса против ведущего менеджера "ЮКОСа" Леонида Невзлина. Пичугин отклонил это "предложение".⁵²

Уже после ареста Пичугина появились определенные подозрения, но общественность обратила внимание на то, что "ЮКОС" попал под прицел Кремля, администрации президента, Генпрокуратуры и ФСБ после задержания Платона Лебедева 2 июля 2003 г. 3 июля он был заключен под стражу.⁵³ 4 июля Михаил Ходорковский и Леонид Невзлин были допрошены как свидетели, допросы длились несколько часов. Перед этим

Ходорковский публично заявил, что он не намерен покидать Россию и уезжать в эмиграцию.

С самого начала в России события воспринимались как заказанная Генеральной прокуратуре Кремлем кампания, имевшая двойную цель: обезвредить Ходорковского, финансировавшего политические партии, находящиеся в оппозиции к Путину ("Яблоко", СПС, КПРФ) и заявившего о том, что он собирается уйти в политику. Второй целью было возвращение "ЮКОСа" под контроль государства, то есть президентской администрации. В ходе развития событий эти ясные уже тогда цели прояснялись все больше и больше, и разве что на "дипломатической сцене" еще использовались формулировки, приуменьшающие значимость событий.

Решение о заключении Лебедева под стражу крайне спорно. Хотя оно и было принято судом и подтверждено кассационным судебным решением Московского городского суда по итогам проверки обоснованности содержания обвиняемого под стражей, оно остается неубедительным. Это легко доказать.

Материально–правовые предпосылки решения о заключении под стражу вписываются в двухступенчатую схему: должны быть выполнены общие и особенные условия. Сперва должно быть выполнено по меньшей мере одно из тех условий, которые закон определяет так, чтобы только в особых случаях против подозреваемого вообще можно было применить соответствующие меры пресечения. Содержание под стражей — самая тяжелая из семи возможных, в соответствии со ст. 98 УПК, мер пресечения. Альтернативой может быть, например, домашний арест (ст. 107), залог (ст. 106), личное поручительство (ст. 103), подписка о невыезде (ст. 102).⁵⁴ Эти более или менее ограничивающие свободу меры ст. 97 абз. 1 УПК объявляет допустимыми только при достаточных основаниях полагать, что в противном случае обвиняемый

1. скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
2. может продолжать заниматься преступной деятельностью;
3. может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства;
4. может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

В качестве специального, дополнительного условия применения ареста ст. 108 устанавливает обвинение в преступлениях, "за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения".⁵⁵

Очевидно, что решение о выборе меры пресечения в отношении подозреваемого должно опираться на принцип соразмерности. О заключении под стражу, как наиболее строгой меры пресечения, говорится, что она может применяться только в том случае, если ведение следствия и сохранение доказательств не могут быть достигнуты другими, более мягкими средствами, предусмотренными законом,

например, залогом или домашним арестом.

Что касается рассматриваемого случая, прокуратура обосновала задержание и последующее заключение под стражу Лебедева тем, что он пытался уклониться от следствия, что эта опасность остается и что есть опасения, что он будет активно препятствовать ведению следственных действий. Но это не было убедительно доказано, потому что Лебедев, напротив, не давал никакого повода для такого подозрения. Для прокуратуры это должно было быть очевидно, так как 20 июня, после ареста Пичугина, после вызова на "беседу" со следователями Салаватом Каримовым, Михаилом Безуглым и Валерием Лахтиным, Лебедев явился в здание прокуратуры, хотя он формально и не был вызван как свидетель, что является ясным сигналом его "готовности к сотрудничеству". 26 июня 2003 г. Лебедев снова, через своего адвоката Антона Дреля, был вызван в качестве свидетеля на 27 июня. Хотя это произошло устно, по телефону, в короткие сроки и в нарушение норм процедуры (ст. 188 абз. 1 и 2 УПК)⁵⁶, Лебедев заявил, что готов явиться.⁵⁷ А того же 26 июня прокуратура отменила вызов, и следователь Безуглый сообщил Дрелю, что у него нет больше вопросов к Лебедеву.

Но случилось иначе, возможно, потому, что известный своими демагогическими выпадами депутат Госдумы, заместитель председателя Комитета по экономической политике и предпринимательству Владимир Юдин⁵⁸, направил запрос Генеральному прокурору в отношении Лебедева (помимо этого еще и в отношении одного известного "олигарха", Романа Абрамовича) в связи с делом "Апатита".⁵⁹ Ранним утром 2 июля Лебедев почувствовал себя плохо и направился в больницу им. Вишневого. Несколькими часами позже Дрель получил в Генпрокуратуре новый вызов Лебедева в качестве свидетеля на 3 июля, 10 часов утра. Вместо того чтобы ожидать этого времени, следователь Безуглый, в сопровождении многочисленных сотрудников ФСБ и медицинских работников, неожиданно появился в больнице 2 июля в 16.35. Лебедев был арестован и уведен в наручниках.

Лебедев потребовал от Генеральной прокуратуры предъявить суду различные повестки и протоколы, а от Басманного суда — обязать Генерального прокурора предъявить эти документы, чтобы доказать, что он, Лебедев, ни в коем случае не намеревался, а тем более не пытался, уклониться от следствия. Напрасно! Вместо этого месяцами позже Генеральная прокуратура предоставила копию справки, написанной Безуглым как формальным свидетелем (!) факта, что следователь Безуглый корректно действовал в отношении Лебедева. Это "свидетельское показание" было (якобы) формально заверено отделом внутреннего надзора Генеральной прокуратуры.

Хотя произвол Генеральной прокуратуры в обращении с элементарными процессуальными положениями и правами задержания был абсолютно очевиден, судья Басманного суда Расновский отклонил все заявления защиты и согласился с требованием Генерального прокурора о заключении под стражу.

Хотя Генпрокуратура обосновала необходимость требования помещения Лебедева под стражу тем, что он может помешать следствию посредством воздействия на свидетелей, уничтожения доказательств и т.д., конкретных фактов не было названо. Между тем она должна была привести доказательство, а сами факты должны были быть

правдоподобными. Ст. 99 УПК требует от прокуратуры и суда при помещении под стражу подозреваемого (обвиняемого) в особенности учитывать следующие обстоятельства:

- тяжесть предъявляемого обвинения,
- факты, характеризующие личность обвиняемого,
- возраст, состояние здоровья, семейные отношения и род занятий.

Но ни прокуратура, ни суд не учли этих "тонкостей" при принятии решения об аресте и обосновали его лишь абстрактным опасением, что Лебедев может и будет, оставаясь на свободе, оказывать давление на свидетелей и скрывать доказательства. Это — тяжкое нарушение ст. 108 и ст. 99 УПК. Оба института юстиции действовали в соответствии с распространенной и стойкой традицией советской практики уголовного преследования. Опросы, проведенные в конце 1980-х годов, показали, что следователи и занятые в процессе расследования служащие в среднем в 80% случаев были убеждены, что нет необходимости предъявлять доказательства для обоснования причин помещения под стражу.⁶⁰ Но новый уголовно-процессуальный кодекс решительно противостоит этой традиции. Недавно это подчеркнул и Конституционный суд России:

На основании конституционной жалобы Лебедева 22 марта 2005 г. было принято решение, обязывающее органы юстиции предоставлять в ходе уголовного преследования реальные доказательства и обоснования необходимости заключения под стражу.⁶¹

Кроме того, Басманный суд при принятии решения об аресте нарушил внутренний принцип целесообразности, так как не обосновал, почему обеспечение доказательства не было бы гарантировано в случае, если бы Лебедев был выпущен под залог или помещен под домашний арест. Своим решением, связанным с выбором наиболее сурового ограничения личной свободы, суд, кроме того, проигнорировал презумпцию невиновности Лебедева (ст. 49 абз. 1 Конституции РФ). Он бесспорно поступил с ним как с совершившим тяжкое преступление.

Арест Михаила Ходорковского

С Ходорковским поступили не лучше, чем с Лебедевым. Скорее наоборот. Он был задержан при драматических обстоятельствах 25 октября 2003 г., в субботу, в 5 часов утра в Новосибирском аэропорту Толмачево. Он находился на борту зафрахтованного "ЮКОСом" самолета ТУ—134 частной авиакомпании "Меридиан", прилетевшего из Нижнего Новгорода. Накануне Ходорковский проинформировал сотрудников дочерней компании "ЮКОСа", фирмы "Самаранефтегаз" в Самаре, о перспективах слияния "ЮКОСа" и "Сибнефти", посетил региональную штаб-квартиру своего фонда "Открытая Россия" и провел конфиденциальные переговоры с губернаторами Константином Титовым (Самара) и Дмитрием Аяцковым (Саратов) о сотрудничестве в регионе.⁶² Теперь же он находился на пути в Иркутск, чтобы открыть двухдневный семинар 120 сибирских политиков и журналистов на тему "Власть, бизнес и общество".

Было сообщено, что самолет совершил промежуточную посадку для дозаправки, на самом деле это произошло по указанию с Лубянки; самолет был отогнан на внешнюю позицию и блокирован. Несколько

десятков бойцов антитеррористической группы "Альфа" в бронжилетах и масках ворвались в кабину Ходорковского с криками "ФСБ! Руки вверх, сесть, никаких движений, оружие на пол, иначе стреляем!" "Хорошо, идем" — с этими словами Ходорковский подчинился неизбежному.⁶³

С правовой точки зрения Ходорковский должен был быть в течение восьми часов препровожден к судье в Новосибирске, потому что за решение о помещении под стражу отвечает тот суд, на территории юрисдикции которого было совершено задержание (ст. 108 абз. 4 УПК РФ).⁶⁴ Но этого не случилось: спустя два часа Ходорковского привезли специальным рейсом, организованным ФСБ на самолете ТУ–154. Там его привели к судье Басманного суда Расновскому, который, как и ожидалось, согласился с запросом генеральной прокуратуры на основании того, что Ходорковский якобы злоумышленно, "без уважительных причин"⁶⁵ не явился как свидетель по повестке генерального прокурора. Обоснование не соответствовало действительности и было неадекватно, так как прокуратура назначила время дачи показаний в недопустимо короткий срок, кроме того, Ходорковский полностью выполнил свои обязанности свидетеля, предписанные УПК. Это доказывают следующие факты:

Вечером в четверг, 23 октября 2003 г., адвокат Ходорковского, Дрель, получает повестку из Генеральной прокуратуры с требованием Ходорковскому явиться "в качестве свидетеля"⁶⁶ в пятницу, 24 октября в 12.00. Ходорковский в это время уже находится в Саратове в командировке и собирается потом в Сибирь. Не происходит предписанного законом вручения повестки (ст. 188 абз. 2 УПК) о вызове Ходорковского, ни другой значимой замены вызову повесткой. Как и в случае с Лебедевым, генеральная прокуратура привычно назначает явку в недопустимо короткие сроки. В соответствии с комментариями вручение повестки считается своевременным, если вызываемое лицо может явиться по повестке, не предпринимая чрезвычайных усилий.⁶⁷ Именно с такой ситуацией мы имеем дело. Ходорковский должен был прервать заранее запланированную поездку, что, без сомнения, было известно ФСБ и Генеральной прокуратуре, и сразу же вернуться в Москву. Этого от него нельзя было требовать, учитывая негативные последствия для его профессиональной деятельности. Закон как раз учитывает возможность таких ситуаций, определенно позволяя не являться по вызову в случае наличия убедительных причин. Ст. 188 абз. 3 УПК определяет, что вызванное лицо должно явиться во время, указанное в повестке или (sic!) проинформировать следователя о причинах неявки.

Ходорковский это и сделал, сообщив Генеральному прокурору через Дреля, что он не может из-за командировки явиться в назначенное время и просит назначить другую дату. Но Генеральная прокуратура была к этому не готова, несмотря на положения УПК. Только в том случае, если причины неявки не являются убедительными, прокурор имеет право требовать привода. У Ходорковского были, напротив, убедительные причины.

Действия прокуратуры можно охарактеризовать только как необоснованные и произвольные. Были проигнорированы, не учтены легитимные интересы, явно признанные и включенные в регулирование процедуры уголовно-процессуальным кодексом, не только свидетелей, но и подозреваемых, обвиняемых, подсудимых. Хотя Ходорковский в это

время еще не был квалифицирован как подозреваемый, а всего лишь был вызван в роли свидетеля, ФСБ обращалось с ним как с совершившим тяжкое преступление террористом! Судя по тому, как происходил арест, это совершенно явно акция устрашения, полагал заместитель председателя Совета Федерации Валерий Горегляд.⁶⁸ Так оно и было. Но уголовно-процессуальный кодекс не дает на это полномочий работникам следственных органов!

Так же как в случае с Лебедевым, указание следствия не было обосновано судом. Не были доказаны необходимые для этого обстоятельства. Совершенно необоснованным было подозрение, что Ходорковский может уклониться от уголовного преследования, сбежав за границу. Напротив, всего за несколько дней до задержания, 13 октября, он вернулся из США, несмотря на то, что обыски и выемки в "ЮКОСе" Генпрокуратурой достигли нового пика непосредственного перед его отъездом. О возможности его ареста было общеизвестно. Более того, с начала наступления на "ЮКОС" — "Менатеп" Ходорковский неоднократно публично исключал такую возможность. За день перед своим отъездом в США он еще раз прямым текстом сказал: "Если стоит задача выпихнуть меня из страны или посадить, то надо сажать, так как политэмигрантом я не буду".⁶⁹ Не без иронии он добавил, что он в распоряжении прокуратуры "в субботу", сразу после возвращения.

Точно также безосновательны, формально-абстрактны "обоснования" прокуратуры и суда в отношении других арестов. Интересно, изменится ли эта противоправная практика после вышеупомянутого важнейшего решения Конституционного суда России от 22 марта 2005 г.?

Запугивания адвокатов "ЮКОСа"

К грубейшим, злостным правонарушениям со стороны Генеральной прокуратуры в ходе следствия (и позже) относятся действия против адвокатов и менеджеров "ЮКОСа" — "Менатеп", особенно обыски адвокатских контор, повестки на допросы по делам их подзащитных, конфискация документов и аресты; в целом массивные меры запугивания, представляющие собой ограничение эффективной защиты "Менатеп" — "ЮКОСа", а в отдельных конкретных случаях вообще ей препятствующие.

Правовое положение однозначно: законодательство, естественно, либо просто запрещает такую практику, либо связывает ее с очень жесткими предпосылками. Ст. 56 абз. 3 УПК РФ строго запрещает прокуратуре и суду вызывать адвоката для допроса в качестве свидетеля, во-первых, в целом по обстоятельствам дела, которые ему известны в связи с деятельностью в качестве защитника (п. 5) и, во-вторых, специально в связи с обстоятельствами, которые ему стали известны в ходе защиты подозреваемого или подсудимого (п. 2). Прокуратура проигнорировала эти нормы. В дни до и после ареста Ходорковского она настолько грубо и безоглядно действовала против адвокатов "ЮКОСа", как еще не было ни разу за время действия российской Конституции, основанной на принципах правового государства.

В четверг 9 октября 2003 г. следственной группой Генпрокуратуры под руководством С.К. Каримова был произведен обыск в адвокатском бюро Дреля.⁷⁰ Следователи не только не сообщили об этом Дрелю заранее, но у них даже не было необходимого для этого в соответствии со ст. 3 абз. 8

Закона об адвокатуре судебного решения. Они цинично использовали то обстоятельство, что Дрель в это время находился по дороге в Московский городской суд для участия в кассационном рассмотрении по делу о правомерности ареста Лебедева по решению Басманного суда. Дрель, проинформированный по мобильному телефону, сразу же поехал обратно в бюро, но его не пустили даже в здание. Жалоба, сразу же посланная им телеграммой Генеральному прокурору Владимиру Устинову, осталась без ответа.

Неделей позже, когда Дрель находился в тюрьме Лефортово на беседе со своим подзащитным Лебедевым, сотрудник следственной группы вручил ему повестку о допросе в генпрокуратуре. Генри Резник, президент Московской адвокатской палаты, констатировал с возмущением: "Действия Генеральной прокуратуры — вопиющее беззаконие".⁷¹ Палата собралась на чрезвычайное заседание и запретила Дрелю под угрозой потери адвокатской лицензии реагировать на повестку. Дрель так и сделал. Генеральная прокуратура сначала оставила его в покое, но затем снова вызвала его 27 октября 2003 г. для допроса. Снова вступила в игру Московская адвокатская палата — судя по результату, успешно.⁷² Повестки получили и адвокаты "ЮКОСа" Василий Алексанян и Дмитрий Гололобов и отреагировали так же.⁷³

Жертвой следующего скандального правового беспредела стала адвокат из группы защитников Ходорковского Ольга Артюхова. После того как она 11 ноября 2003 г. после разговора о стратегии защиты с Ходорковским в СИЗО ГУИН "Матросская тишина" вышла из совещательной комнаты, от нее потребовали, чтобы она предоставила все не принадлежащие ей вещи (имелись в виду записи Ходорковского).⁷⁴ Она сказала, что такими не располагает. Беседа с Ходорковским проходила при постоянном наблюдении, поэтому это была очевидно одновременно провокация и попытка запугивания. В ответ на это были просмотрены все бумаги Артюховой. Когда была сделана попытка изъять у нее записи разговора с Ходорковским, ей удалось выхватить один из листов, и она устремилась в угол помещения, чтобы его разорвать. Началась драка. После ее вторичного протеста ей вернули все бумаги за исключением одного листа.⁷⁵

Эти действия не требуют комментариев. Они говорят сами за себя.

Заключительное замечание

Тексты приговоров были переданы Ходорковскому и Лебедеву 6 июня 2005 г.⁷⁶ С этого момента отсчитывалась возможность подачи апелляции и кассационной жалобы, что должно было быть сделано в десятидневный срок после объявления приговора 31 мая 2005 г. У адвокатов оставалось только четыре дня на кассационную жалобу. Ходорковский подал кассационную жалобу в Московский городской суд 9 июня 2005 г.⁷⁷ Лебедев отказался от этого на том основании, что в тексте приговора содержатся места, не оглашенные судом, и наоборот, отсутствуют места, содержащиеся в зачитанном приговоре. По состоянию здоровья он не мог и не хотел участвовать в ожидаемом фарсе кассационной судебной процедуры, решив сэкономить силы для процесса в Верховном суде и Европейском суде по правам человека.⁷⁸

Постскриптум

Уже после того, как этот анализ был завершен, процесс против Ходорковского и Лебедева быстро получил неожиданное завершение со стороны судебных органов России. Поздним вечером 22 сентября 2005 г. Московский городской суд в кассационном процессе после заседания, длившегося всего один день, вынес приговор. Он отказал в жалобе Ходорковскому, но сократил срок заключения на один год — до восьми лет, потому что истек срок давности по обвинению в сознательном уклонении от исполнения судебного решения. Суд мог бы еще больше уменьшить срок, потому что у инкриминируемого ему приобретения контрольного пакета акций Научно-исследовательского института по удобрениям якобы преступным путем в этот же день тоже истек десятилетний срок давности!

Процесс в Московском городском суде прошел по образцу Мещанского и Басманного районных судов и цинично игнорировал элементарные принципы справедливого уголовного судопроизводства. Три судьи кассационного суда — Мариенко, Тарасов и Лохмачева сочли возможным рассмотреть сложное с фактической и правовой точки зрения дело Ходорковского в упрощенном процессе, как обычное воровство. Как может суд, заинтересованный в сохранении хотя бы видимости серьезности и своего общественного авторитета, за один день рассмотреть материалы процесса, состоящие из горы документов — 450 томов обвинительного заключения, 6500 страниц 30 томов судебных протоколов первой инстанции, 600-страничного приговора и 700-страничной кассационной жалобы? И каким образом суд может утвердить все эти материалы в менее чем часовом процессе? "Это был не суд, а пародия на суд"⁷⁹, горько заметил адвокат Ходорковского Юрий Шмидт. За весь период его адвокатской деятельности с 1961 года он ни разу не встречался с таким откровенным игнорированием и нарушением уголовно-процессуального права, ни во времена Брежнева, ни во времена Хрущева.

Если до этого еще кто-то сомневался, что процесс Ходорковского-Лебедева с самого начала был целиком политическим и до деталей контролировался и управлялся из администрации президента, то поспешность кассационного суда должна была устранить все сомнения. Быстрое завершение кассационного процесса, едва успевшего начаться, решением, вступившим в законную силу уже 22 сентября 2005 г. и тем самым завершившим процесс, имело только одну причину — политическую. Нужно было предотвратить регистрацию Михаила Ходорковского Центральной избирательной комиссией как независимого кандидата на декабрьских довыборах в Государственную Думу по Университетскому округу. Еще в августе с этой инициативой выступила группа известных политиков из демократического лагеря. Участие в выборах было возможно, потому что приговор Ходорковскому еще не вступил в законную силу. В случае его избрания он получил бы депутатский иммунитет. Это и было главной подоплекой кассационного процесса; истечение срока давности по другому обвинению имело лишь второстепенное значение.

Городской суд открыл кассационный процесс 14 сентября 2005 г., но судебное разбирательство не могло состояться, так как адвокат Ходорковского Генрих Падва лежал в больнице. Другому адвокату Ходорковский не дал полномочий на участие в кассационном процессе. Суд, видимо, был заинтересован только в быстром принятии решения, поэтому он сразу же нарушил ряд процедур:

Платон Лебедев был принудительно доставлен в здание суда, хотя он сознательно не подавал кассационной жалобы! Суд противоправно попытался включить его в процесс, правда, это не удалось.

Вместо того чтобы подождать выписки Падвы из больницы, хотя речь шла всего о нескольких днях, суд сначала вынуждал Ходорковского на согласие на процесс в отсутствие адвоката. После его отказа суд вызвал двух своих адвокатов из предыдущей инстанции и попытался заставить Ходорковского признать их как защитников по назначению суда. Ходорковский настаивал на своем праве на защиту адвокатом по его выбору, а именно Генрихом Падвой. В ответ на это судья сказал знаменательную фразу: "Здесь вам не Страсбург!"

В конце концов, Ходорковский все-таки настоял на своем. Заседание было отложено на неделю, Падва вернулся из больницы, суд вызвал телеграммой для участия в заседании из Санкт-Петербурга еще одного адвоката Ходорковского, Юрия Шмидта. Никто из них не должен был догадаться, что они не более чем статисты в правовом театре абсурда. В день вынесения приговора Шмидта даже не допустили к его подзащитному!

В то время, пока адвокаты занимались подготовкой жалоб в Страсбургский суд по правам человека, Ходорковского отправили за Байкал, в краснокаменский лагерь, недалеко от монгольско-китайской границы, а Лебедева — в Харб, недалеко от устья реки Обь, то есть от Карского моря.⁸⁰ И это решение президентской администрации тоже противоречит правовым нормам. Статья 73 УПК России определяет, что заключенные отбывают свой срок, как правило, в регионе, где они проживают, или в том регионе, где они были осуждены, то есть в этом случае — недалеко от Москвы. Только в исключительных случаях решение может быть иным, но и тогда наказание нужно отбывать в регионе, ближайшем к указанным. Уголовно-процессуальное право в случае противоречия политической целесообразности оказывается не более чем простой бумажкой! Это заставляет ожидать самого худшего для будущего пенитенциарной системы.

¹ 20 мая 2004 г. начался процесс Лебедева, 28 мая — Ходорковского. 16 июня 2004 г. оба дела вместе с делом Крайнова были объединены в одно производство (по ст. 153 УПК РФ). См.: Известия. 21.05.2004. С. 2; Известия. 17.06.2004. С. 1; Новая газета. No. 38/2004. С. 7.

² В Москве существуют 34 районных и один городской суд, выполняющий функции апелляционного и кассационного. Еще 6 февраля 2004 г. Мещанский районный суд приговорил Василия Шахновского, бывшего руководителя московского отделения "ЮКОСа", к одному году заключения условно за уклонение от уплаты налогов в особо крупном размере — 28,5 млн. рублей (ст. 199 НК РФ). Суд проявил снисхождение, так как Шахновский, хотя и не признал претензии оправданными, заплатил требуемую сумму и к тому же уже не работал в "ЮКОСе". См.: Схема налогового приговора // Коммерсант. 07.02.2004. С. 4; Коммерсант. 30.03.2005. Коллегия присяжных Московского городского суда приговорила бывшего начальника 4 отдела экономической безопасности концерна "ЮКОС", Алексея Пичугина, к 20 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима. См.: Kurzinformation zum P?ugin-Verfahren: Erstes Strafurteil im "Yukos-Komplex" // WGO. Monatshefte für Osteuropaisches Recht. No. 1/2005. S. 2—4. В целом судебные процессы идут против 30 сотрудников "ЮКОСа". См.: <http://khodorkovsky.ru/around/1320.html>.

³ В поисках точки отчета // Независимая газета (далее — НГ). 02.07.2004. С. 8.

⁴ Его текст приведен в: Собрание законодательства Российской Федерации (далее — СЗРФ). No. 52/2001. Ст. 4921. Вводный закон: ст. 4922.

⁵ Цитируется по: Суд и ныне там // Новая газета. No. 38/2004. С. 7.

- 6 "В случае провозглашения только вводной и резолютивной частей приговора в соответствии с частью седьмой статьи 241 настоящего Кодекса суд разъясняет участникам судебного разбирательства порядок ознакомления с его полным текстом" (абз. 4).
- 7 См. об этом и последующих событиях сообщения центральной российской прессы: "Известия", "Коммерсант", "Московские новости", "Новая газета" за май и июнь 2005 г.
- 8 Комментарий к Уголовно–процессуальному кодексу РФ (научно–практическое издание). М.: Министерство внутренних дел РФ; Российская академия государственной службы при президенте РФ, 2003 (ст. 310, прим. 3, с. 901 и далее.).
- 9 *Gotz Roland*. Russland und seine Unternehmer. Der Fall Chodorkowskij // SWP–Aktuell. No. 45/2003; *Miljutenko Wladimir*. Zur Jagd auf die Oligarchen wird geblasen // Wostok No. 4/2003. S. 8—10.
- 10 См.: *Ходорковский Михаил*. Кризис либерализма в России // Ведомости. 29.03.2004. С. А5.
- 11 См.: *Eur. Parl. Ass. Committee on Legal Affairs and Human Rights*. Circumstances surrounding the Arrest and Prosecution of Leading Yukos Executives. Doc. No. 10368. 29.11.2004; а также финальный отчет комитета, обнародованный 18 ноября 2004 г. Текст на немецком см.: www.leutheusser-schnarrenberger.de.
- 12 Обвинительное заключение по обвинению Лебедева Платона Леонидовича в совершении преступлений, предусмотренных... (следует состав преступлений), составлен следователем С.К. Каримовым, подтвержден заместителем Генерального прокурора Ю.С. Бирюковым 26.03.2004, 539 с. Текст: www.khodorkovsky.ru/advocacy.
- 13 Вследствие чего адвокаты потребовали соответствующих изменений решения. Заявление от 10.06.2005 // www.khodorkovsky.ru/process/daily/2710.html, прочитано 14.06.2005.
- 14 Заместитель Генерального прокурора Бирюков в декабре 2003 года, несмотря на то, что дело уже было закрыто, попытался вновь возбудить его в Высшем арбитражном суде в порядке чрезвычайного надзорного производства. Примечательно, что Московский арбитражный суд в апреле 2004 года отклонил иск. См.: Отклонен иск к владельцу акций "Апатита" // Коммерсант, 16.04.2004. С. 4.
- 15 Темнота — страшная сила // Новая газета. No. 52/2003. С. 9.
- 16 К моменту ареста Платона Лебедева 18 июля 2003 г. акции были распределены следующим образом: 3 429 393 из них принадлежали АО "Фосагро", 858 435 — "Earl Ltd"; 176 980 — "Anura Holdings Ltd"; 800 000 — "Lex–Eaton Holdings Ltd".
- 17 Называются имена начальника отдела приватизации Н.В. Чернышевой, сотрудника дочерней компании "Менатеп" МФО "Менатеп" А.В. Крайнова, заместителя председателя наблюдательного совета ЗАО "Роспром" М.В. Брудно, бывшего в то время первым вице–президентом ЗАО "ЮКОС–ПМ", начальников отдела горной и химической промышленности ЗАО "Роспром" А.Г. Гурьева и А.В. Горбачева. Многократно упоминаются также "неустановленные следствием лица".
- 18 См. ст. 396 Гражданского кодекса России.
- 19 *Lappo Georgi, Poljan Pavel*. Transformation der Geschlossenen Stadte Russlands // Koln: Berichte des Bundesinstituts fur Ostwissenschaftliche und Internationale Studien. No. 6/1997.
- 20 Это не изменилось до сегодняшнего дня. В постановлении правительства от 05.07.2001 (СЗРФ No. 29/2002. Ст. 3019) перечислено 42 закрытых города. С того времени их число стало еще больше.
- 21 Вехой в этом отношении стало исследование Павла Фельгенгауэра: Закрытые города России // НГ. 30.06.1992. С. 5.
- 22 Закон от 14 июля 1992 г. о Закрытых административно–территориальных образованиях. Текст см.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. No. 33/1992.
- 23 *Brock Gregory*. Public finance in the ZATO Archipelago // Europe–Asia–Studies. No. 6/1998. P. 1065—1081.
- 24 Ст. 47 Закона РФ о федеральном бюджете от 26 марта 1998 г. Текст см.: СЗРФ No.13/1998. Ст. 1464. В ст. 5 абз. 1 Закона о ЗАТО были внесены точно такие же изменения (СЗРФ No. 31/1998. Ст. 3822).
- 25 Постановление от 15 июня 1998 г. "О правилах предоставления органами местного самоуправления дополнительных льгот по налогам и сборам юридическим лицам, зарегистрированным в качестве налогоплательщиков в налоговых органах закрытых административно–территориальных образований" (СЗ РФ No. 25/1998. Ст. 2912).

- 26 До вступления в силу изменений в законе (30 марта 1998 г.) в соответствии с законом 1991 года в согласии Министерства финансов не было необходимости. Это позднее установил Московский арбитражный суд в своем решении от 23 января 2002 г.
- 27 Изменения к Закону о ЗАТО от 2 апреля 1999 г. (СЗРФ No. 14/1999, ст. 1665).
- 28 Город Лесной, раньше называвшийся Свердловском-45, расположен в Нижнетуринском районе, известном тем, что там находится завод "Электрхимприбор", специализировавшийся на серийном изготовлении атомных боеголовок.
- 29 Доказательства см.: том 72, с. 42; том 76, с. 10 материалов процесса.
- 30 Обвинительное заключение по обвинению (сноска 12), здесь: с. 42.
- 31 Закон от 31 июля 1998 г. вступил в силу 1 января 1999 г., текст: СЗРФ No. 31/1998. Ст. 3824 и 3825.
- 32 Письмо Государственной налоговой инспекции РФ и Министерства финансов РФ от 1 декабря 1994 г. "О порядке учета и погашения долгов в отношении бюджета".
- 33 В соответствии со свидетельскими показаниями заместителя главы администрации Лесного Л.В. Мясниковой.
- 34 Федеральный закон об упрощенной системе налогообложения, учета и отчетности субъектов малого предпринимательства от 29 декабря 1995 г., текст: СЗРФ No. 1/1996. Ст. 15.
- 35 Указ от 8 июля 1994 г. "Об упорядочении государственной регистрации предприятий и предпринимателей на территории Российской Федерации". Текст: СЗРФ No. 11/1994. Ст. 1194.
- 36 О "крупном размере" в соответствии со ст. 198 УК РФ речь может идти только в том случае, если в течение трех календарных лет неуплаты по налогам и сборам превышают 100 000 рублей и одновременно составляют более 10% всех долгов по налогам соответствующего лица.
- 37 По сути эта норма существовала еще в советском уголовном праве (см. ст. 14 абз. 2 Основ уголовно-процессуального законодательства Советского Союза и союзных республик от 25 декабря 1958 г.; ВВС СССР No. 1/1959. Ст. 15; ст. 20 абз. 2 УПК РСФСР 1960), но этот принцип постоянно нарушался. Эта традиция частью продолжается в странах СНГ и России. Решительно препятствовать этому и призвана ст. 49 абз. 2 Конституции. См.: Научно-практический комментарий к Конституции РФ / под ред. В.В. Лазарева. Второе издание. М., 2001. С. 239 (ст. 49 часть 2 — автор В.П. Божьев).
- 38 Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Карповича. М., 2002. С. 352 (ст. 49 п. 3 — автор П.Е. Кондратов).
- 39 Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РФ... С. 74 (ст. 14 п. 10).
- 40 Суд нарушил и ст. 15 абз. 4 Конституции РФ. Она объявляет подписанные Россией международные договора "составной частью правовой системы" страны. Таким договором является Европейская конвенция по правам человека от 4 ноября 1950 г. После вступления в Совет Европы (1996) она для России с 1998 года имеет обязательную силу, включая ст. 6 абз. 2, которая тоже гарантирует презумпцию невиновности. См. краткий комментарий к приговору: *Schroeder Friedrich—Christian. Chodorkowskij und die Menschenrechte // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 15.06.2005. S. 8; Nussberger Angelika. Marenkov D. Quo vadis iustitia? Der Fall Chodorkovskij und die Europaische Menschenrechtskonvention // Osteuropa. No. 7/2005. S. 38—51.*
- 41 Мошенничество (ст. 159 абз. 4 УК РФ), присвоение или растрата (ст. 160 абз. 4), неисполнение решения суда (ст. 315 абз. 3), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 абз. 3), уклонение от уплаты налогов (ст. 198 абз. 2; ст. 199 абз. 2).
- 42 См.: *Gudkov Lev, Dubin Boris. Der Oligarch als Volksfeind. Der Nutzen des Falls Chodorkovskij fur das Putin-Regime // Osteuropa. No. 7/2005. S. 52—75.*
- 43 Решение пленума от 25.04.1995. Текст см.: Бюллетень Верховного суда РФ 1995. 66 с. 2 (п. 4); *Лебедев В.М. (Председатель Верховного суда России). Комментарий к Уголовному кодексу РФ. М., 2001. С. 83 и далее (ст. 35 п. 4).*
- 44 О раннем "Менатепе" и карьере Ходорковского см.: *Kryschtanowskaja Olga. Anatomie der russischen Elite. Die Militarisierung Russlands unter Putin. Koln, 2005. S. 171 ff.*
- 45 С. 29.
- 46 Подробный и глубокий анализ этой ситуации см. в: *Kryschtanowskaja Olga. Anatomie... S. 125 ff.* Образ мышления "органов" хорошо освещает интервью: Анонимный источник: а не надо в свитере ходить к президенту // Новая газета. No. 85/2003. С. 4; О "многоголосии" позиций в окружении президента по делу "ЮКОСа" см. обзор: Куда смотреть? Кого слушать? // НГ. 17.11.2003. С. 2.

- 47 Цитируется по: Прокурор Колесников приговорил гражданина Ходорковского к 10 годам // Известия. 13.11.2003. С. 1, 3.
- 48 Курс на репрессии // НГ. 14.04.2005. С. 3.
- 49 Одновременно Шувалов, возможно, не без гордости, указал на то, что по расчетам Министерства финансов 20% бюджетных поступлений за 1 квартал 2005 года получено благодаря делу "ЮКОСа". Эти выкладки кажутся смешными, если учесть, что благодаря делу "ЮКОСа" ускорилось бегство капиталов из России, весной 2005 года впервые превысившее 20 миллиардов долларов США в квартал.
- 50 См.: Kurzinformation...
- 51 Вообще—то Генеральная прокуратура, расположенная на Большой Дмитровке, территориально подведомственна Тверскому районному суду. То, что решение об аресте было вынесено Басманным районным судом, связано с тем, что управление по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры находится на его территории, по адресу Технический пер. 2 (М. "Бауманская").
- 52 За что сидит Пичугин // НГ. 02.07.2004. С. 8; Алексея Пичугина не пускают // Коммерсант. 14.02.2004. С. 4. Много вопросов возникает в связи с тем, что процесс Пичугина идет по сценарию ФСБ, в чьем следственном изоляторе "Лефортово" он и находится. Есть очень много признаков того, что его подвергли воздействию психотропных средств. См.: Наркозависимость российского правосудия // Новая газета. No. 54/2003. С. 6; Погоня за обвинительным приговором // Новая газета. No. 46/2004. С. 13; Первый пошел // НГ. 25.03.2004. С. 1; У Пичугина осталась одежда // НГ. 31.03.2004. С. 1; Прокурор запросил для Пичугина пожизненное заключение // Известия. 28.03.2004. С. 8.
- 53 Изложение следственных действий опирается в основном на материалы прессы: "Независимая газета", "Известия", "Новая газета", "Коммерсант" и "Московские новости" с июня 2003 по апрель 2005 года.
- 54 Ст. 98 содержит и другие специальные, не перечисленные здесь меры пресечения.
- 55 В порядке исключения, например, когда у обвиняемого нет постоянного места жительства, заключение под стражу может быть применено и при менее строгих условиях (см. ст. 108 абз. 1 пред. 3 УПК), но это, очевидно, не тот случай.
- 56 Согласно комментарий, допускается вызов в электронной форме, но только "письменный". См.: Комментарий к уголовно—процессуальному кодексу РФ (сноска 8). Ст. 188, п. 3, с. 639 и далее.
- 57 Отрывки из кассационной жалобы адвоката Дреля по аресту Платона Лебедева в Басманном районном суде г. Москвы после ареста 28.10.2003: Кассационная жалоба Платона Лебедева // Коммерсант, 03.12.2003. С. 5 (там же — подробности этого события).
- 58 Волшебный палец депутата Юдина // НГ. 05.11.2003. С. 1, 6.
- 59 Нарушитель "Матросской тишины" // Коммерсант. 03.12.2003. С. 1, 5.
- 60 Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996. С. 123 и далее; Опросы были проведены Министерством внутренних дел в период перестройки, между 1985 и 1990 годами. Было опрошено 793 работника.
- 61 Платон Лебедев одержал первую победу в суде конституционном // НГ. 23.03.2005. С. 8.
- 62 Ходорковский на Волге // НГ. 24.10.2003. С. 4.
- 63 Прерванный полет // НГ. 27.10.2003. С. 2.
- 64 Задержание регулируется ст. 91 и ст. 92 УПК РФ.
- 65 Согласно формулировке закона: ст. 56 абз 2, ст. 188, абз. 3, ст. 113, абз. 1—5 УПК РФ.
- 66 Факсимиле повестки следователя П.К. Каримова от 23.10.2003 находится в распоряжении автора.
- 67 Комментарий к уголовно—процессуальному кодексу РФ (сноска 8), ст. 113, п. 4, с. 433 и далее.
- 68 Посадка накануне выборов // НГ. 27.10.2003. С. 1. Горегляд уже 10 июля 2003 г. резко высказывался по поводу обращения с Лебедевым, что также не повлекло за собой никакой реакции.
- 69 Ходорковский уезжает // НГ. 07.10.2003. С. 1.
- 70 Адвоката Лебедева проверили на прочность // Известия. 10.10.2003. С. 10; Как избавиться от адвоката // НГ. 10.10.2003. С. 6; Мы вас обыскали // Новая газета. No. 76/2003. С. 7; Нападение на защиту // Новая газета. No. 79/2003. С. 3.
- 71 Нападение на защиту // Новая газета. No. 79/2003. С. 3 (интервью).
- 72 Самый богатый заключенный в мире // Известия. 28.10.2003. С. 3.

- ⁷³ Дело Михаила Ходорковского оказалось неподъемным. Коммерсант. 29.11.2003. С. 3.
- ⁷⁴ ГУИН — Главное управление исполнения наказаний. (Сейчас ФСИН — Федеральная служба исполнения наказаний. — *Примеч. пер.*)
- ⁷⁵ Генпрокуратура попала на черном пиаре // Коммерсант. 25.11.2003. С. 4; Адвокаты соберут досье на следователей // НГ. 24.11.2003. С. 2; Расскажите, как касались вашего тела // Известия. 10.06.2004. С. 5. Об особо грубых действиях против адвоката "ЮКОСа" Светланы Бахминой см.: Пытки телефоном // Новая газета. No. 18/2005. С. 5.
- ⁷⁶ Срок для адвокатов // НГ. 08.06.2005. С. 10.
- ⁷⁷ Текст см.: <http://khodorkovsky.ru/advocacy/petitions/2706>; заявление Ходорковского от 17 июня 2005 г.: <http://khodorkovsky.ru/advocacy/petitions/2745>.
- ⁷⁸ Заявление от 17 июня 2005 г., текст: <http://khodorkovsky.ru/advocacy/petitions/2753.html>. Что можно ожидать от Московского городского суда под председательством Ольги Егоровой, показывает не только рассмотрение дела Пичугина, но и судьба судьи этого суда, Ольги Кудешкиной, после ее конфликта с председателем суда. Судьи условно // Новая газета. No. 21/2005. С. 9.
- ⁷⁹ Новая газета. No.71/2005. С. 3.
- ⁸⁰ Известия. 21.—23.10.2005. С. 1, 9.

Published 2006-04-04
Original in German
Translation by Galina Michaleva
Contribution by Osteuropa
First published in *Osteuropa* 7/2005 (German version)
(c) Otto Luchterhandt/Osteuropa
(c) Eurozine